

Преподаватель из Полицейской академии пришёл домой к Ду Ицзэ, чтобы уговорить его родителей. Он сказал, что их сын очень умный, сдал и письменный, и устный экзамены на высший балл, обладает сильным логическим мышлением и быстрой реакцией. Он перечислил множество достоинств, но родители Ду Ицзэ слышали только то, что академия берёт на себя все расходы на обучение и что эта работа так же стабильна, как госслужба.

В день отъезда Ду Ицзэ почувствовал странное разочарование. Мать, укладывая его скудные вещи, украдкой вытирала слёзы, а отец просто ушёл пить. Ду Ицзэ думал, что их с отцом противостояние продлится дольше, достаточно долго, чтобы у него появился шанс ударить отца в лицо.

Ду Ицзэ не сказал Ли Миньюй, что всё же хотел бы учиться, а Ли Миньюй не рассказал, что уже покинул улицу, полную их общих воспоминаний.

После выпускных экзаменов Ли Миньюй поступил в обычную школу поблизости, но проучился там меньше года. На первом курсе он увидел, как один из одноклассников дёрнул за бретельку лифчика девушки, и в ярости бросился на него, повалив на землю. Оказалось, что он избил внука богатого человека, и вскоре разъярённый отец парня ворвался в кабинет директора, заявив:

— Я плачу вашей школе такие деньги, а вы позволяете моему сыну ходить с синяками?

В итоге директор извинился и выплатил компенсацию, а Ли Миньюй был исключён. Перед уходом он выбросил все учебники в мусорный бак у входа в школу, снял штаны и показал свои гладкие ягодицы на фоне школьных ворот, после чего его три квартала гнал охранник.

Когда Ли Миньюй наконец оторвался от охранника и вернулся домой, он сначала чувствовал себя героем, прыгал по дому и радостно кричал, гордясь своим поступком. Но когда он успокоился, то осознал, что не только не может учиться, как другие, но и не может позволить себе платить за обучение. Вспомнив, как мать постоянно подбадривала его поступить в университет, он не смог сдержать слёз и разрыдался.

Это были его первые слёзы. Он не плакал, когда его дразнили «Ли Маленький Дикарь», не плакал, когда учительница унижала его перед всем классом, не плакал, когда полицейский тащил его за ухо, называя «сволочью». Но он плакал не из-за исключения, не из-за сожаления о драке. Это была странная ненависть, боль, не находящая выхода.

Бабушка Ли вернулась домой ближе к десяти вечера, думая, что Ли Миньюй уже спит, но увидела его сидящим в темноте. Услышав приглушённые всхлипы, она бросила тележку и быстрыми шагами подошла к нему:

— Что случилось? Почему ты сидишь один?

Бабушка Ли постарела, сгорбилась, её руки беспокойно теребили одежду. Она наклонилась к Ли Миньюй, её мутные глаза беспокойно металась в глубоких глазницах. Ли Миньюй вскочил на ноги. Он уже был на голову выше матери. Он не хотел винить её, но не смог сдержать

рыданий, слёзы и сопли текли по его лицу.

— Зачем ты меня забрала? Зачем ты отправила меня в школу?

— Я не умный, я знаю. Я не могу учиться. Я не умею учиться. Я не такой, как Сяо Ду...

И вопрос, который он хотел задать, но никогда не решался:

— Почему у меня нет отца? Почему у других отцы могут за них заступиться?

После исключения Ли Миньюй устроился на работу, перепробовав множество физически тяжёлых занятий: таскал кирпичи, мыл машины, перевозил грузы. Но из-за своей неуклюжести и вспыльчивости он никогда не задерживался на одном месте, пока случайно не начал выполнять поручения для местных авторитетов, познакомившись с разными людьми. Иногда, проходя мимо школы Ду Ицзэ, он останавливался у ворот, но часто вызывал подозрения у охранников из-за своей внешности.

Поэтому в их последней встрече Ли Миньюй хотел рассказать Ду Ицзэ, что он выбрал путь, о котором никогда не думал, и что ему это даже нравится. Но, вспомнив, что Ду Ицзэ скоро станет полицейским, он не смог вымолвить ни слова.

«Эх, Сяо Ду всегда был другим, всё у него получается как надо», — подумал Ли Миньюй, допивая последние капли пива из банки. Он поднял голову к полумесяцу на небе, глубоко вздохнул и, представляя их следующую встречу, почувствовал лёгкую тень стыда.

Полицейская академия, где учился Ду Ицзэ, была окружена высокими бетонными стенами, словно непроницаемая тюрьма. Стены были настолько высокими и толстыми, что Ду Ицзэ часто чувствовал себя, как в глубоком колодце. Воздух внутри был влажным, облака низко нависали над головой, а каждый день начинался с резкого звука горна.

Едва рассветало, как холодный воздух, казалось, проникал в поры кожи, замерзая до костей. Как только звучал горн, из серых общежитий выходили небольшие группы студентов в одинаковой форме, словно муравьи, направляющиеся на плац. Ду Ицзэ, как и все, был одет в белую футболку и чёрные шорты, ускоряя шаг вместе с толпой.

Из-за недостаточного питания в прошлом и отсутствия физической активности в старшей школе, где он целыми днями сидел за партой, Ду Ицзэ поначалу был не в лучшей форме. Но он всегда стремился быть первым, иногда падал на плацу из-за низкого сахара в крови, разбивая лоб, но всё равно вставал и продолжал бежать.

После бега шли отжимания, и только после этого можно было идти завтракать. Иногда руки Ду Ицзэ ещё дрожали от тренировки предыдущего дня, и он валился на землю, наблюдая, как остальные заканчивают упражнения и идут в столовую.

Он так старался, что все думали, будто это его мечта.

Толстячок, не понимая, подошёл к нему с булочкой в руке и, наклонившись, спросил:

— Скажи честно, ты с кем соревнуешься?

Ду Ицзэ взял булочку, сел на землю, скрестив ноги:

— Просто хочу быть в форме.

— Но ты не должен переусердствовать! Если слишком много бегать, сил на отжимания не останется.

Ду Ицзэ вздохнул:

— Наверное, это моя мания. Первое место всегда привлекает меня.

— Кто тебя так избаловал? — Толстячок облизал губы. — Слушай, тебе нужно избавиться от этой привычки. Иногда лучше идти окольными путями.

Ду Ицзэ рассмеялся, как будто это была шутка, и закатал рукав футболки, показывая Толстячку:

— Я стал сильнее, чем был раньше.

Толстячок поднял свой мясной пирожок:

— И что с того?

Несмотря на прозвище, Толстячок был худым, как обезьяна, бегал в середине группы, не отставая, но и не напрягаясь, чтобы не оказаться в хвосте и не получить выговор. Он всегда успевал к последнему пирожку и горячей каше в столовой. Его философия «живи как есть» удивляла Ду Ицзэ, и тот спросил, как он оказался в академии.

— Эх, ты не представляешь, сколько связей пришлось задействовать моей семье, чтобы меня сюда устроить, — сказал Толстячок, откусывая пирожок. — Но мне это не нравится! Они никогда не спрашивали, чего хочу я.

— Моя семья тоже не спрашивает.

— Значит, тебя тоже сюда засунули?

— Нет, — ответил Ду Ицзэ. — Я сам подал заявление.

Толстячок покачал головой:

— Ты действительно не ищешь лёгких путей.

Толстячок, несмотря на год в академии, оставался таким же худым, как и в начале, с выступающими рёбрами. Ду Ицзэ, благодаря улучшенному питанию, начал набирать мышечную массу. Он знал, что его физическая форма оставляет желать лучшего, поэтому старался вставать раньше других, а когда инструктор искал добровольца для демонстрации, всегда вызывался. Через год у него появились рельефные мышцы живота, чёткие линии тела, сильные ноги. Его пропорции были идеальными, и однажды в душе Толстячок сказал:

— Тебе жаль не стать моделью. Просто ходишь, а тебя кормят и поят. Это просто расточительство!

Ду Ицзэ спросил:

— Модель? Разве есть мужские модели?

<http://bllate.org/book/15266/1347229>